

**ПЕРЕВОД ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В НЕСПЕЦИАЛЬНЫХ
ТЕКСТАХ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ**

У статті надається аналіз способів і прийомів перекладу екологічних реалій у текстах екологічної тематики, які належать до неспеціальних функціональних типів.

Ключові слова: переклад, способи перекладу, неспеціальний текст екологічної тематики, екологічна реалія.

The article contains the analysis of ways and methods of translating ecological realia in environmental texts belonging to non-specialized text types.

Key words: translation, translation means, non-specialized environmental text, ecological realia.

В свете современных тенденций, когда безопасная окружающая среда становится одной из главных общечеловеческих ценностей, а общество стремится преодолеть свойственную XX веку технократическую парадигму мышления и сформировать глобальное экологическое сознание, на границах технических, естественных и гуманитарных наук возникают такие дисциплины, как социальная экология, экологическая этика, эстетика, культура, психология. Соответственно, экологическая тематика и проблематика попадают и в сферу повышенного внимания лингвистов. Актуальность исследования определяется, общей тенденцией современных переводоведческих студий на максимальную экспликацию анализа процесса перевода при изучении разноязыковых лексических микросистем и способов воспроизведения семантики отдельных единиц данных систем (в данном случае – экологических реалий) для разработки адекватных стратегий и моделей ее воссоздания в текстах разного типа.

Цель данной статьи – определить специфику перевода экологических реалий в неспециальных текстах экологической тематики (далее – ЭкоТт). Для достижения поставленной цели необходимо 1) рассмотреть понятие “экологическая реалія”, 2) определить доминирующие способы и приемы перевода экологических реалий в неспециальных ЭкоТт, а также 3) выявить преимущества и ограничения их применения.

Объектом исследования являются экологические реалії в оригиналах и переводах неспециальных ЭкоТт. Предмет исследования – способы и приемы перевода экологических реалий в неспециальных текстах экологической тематики, к которым относятся ЭкоТт, предназначенные широкому кругу адресатов-непрофессионалов. Материалом анализа служат публицистические тексты неспециализированных периодических изданий и сайтов экологических организаций. В качестве основного используется сопоставительный метод анализа оригиналов и переводов ЭкоТт. Базовыми методиками анализа являются тезаурусная и дефинитивная, а также контекстуальный анализ.

Говоря о реаліях, следует отметить, что в экстралингвальном контексте их определяют как предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках [10, с. 178].

Лингвистические особенности реалий наиболее подробно рассматриваются в аспектах лингвострановедения (В.С. Виноградов, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Г.Д. Томахин и др.) и переводоведения (С. Влахов, Р.П. Зоривчак, В.В. Демецкая,

М.А. Новикова, Д.О. Островский, С.А. Скороходько, П.А. Содомора, С. Флорин, Ю.П. Чала и др.).

В.С. Виноградов называет реалиями все специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы быта прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия, относя их к классу безэквивалентной лексики. Помимо обычных реалий, исследователь выделяет ассоциативные реалии, которые находят свое материализованное выражение в компонентах значений слов, в оттенках слов, в эмоционально-экспрессивных обертонах, во внутренней словесной форме и т. п., обнаруживая информационные несовпадения понятийно-сходных слов в сравниваемых языках [5, с. 37, 111].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [3] при определении реалий оперируют терминами “фоновые” и “коннотативные слова”, “безэквивалентная лексика”, или “слова с культурным компонентом”, понимая под ними лексические единицы, своеобразная семантика которых отражает особенности культуры.

С. Влахов и С. Флорин определяют реалии как особую категорию средств выражения, включающую в себя слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни, быта, культуры и истории одного народа и чуждые другому. Будучи носителями национального и / или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий в других языках, а следовательно, требуют особого переводческого подхода [6, с. 55].

Детально анализируя различные подходы к реалиям, Р.П. Зоривчак дает им такое переводоведческое определение: “Реалии – это моно и полилексемные единицы, основное значение которых вмещает (в плане бинарного сопоставления) традиционно закрепленный за ними комплекс этнокультурной информации, чужой для объективной действительности принимающего языка”, – подчеркивая, что соотношение “реалия / не реалия” проявляется только при бинарном сопоставлении конкретной пары лингвокультурных традиций [7, с. 58].

Основываясь на приведенном выше подходе, *экологические реалии* можно определить как слова или словосочетания, обозначающие экологические объекты, понятия или явления, присущие одной из сопоставляемых лингвотрадиций, но отсутствующее в другой.

В неспециальных ЭкоТг экологические реалии представлены различными предметно-тематическими группами, среди которых доминирующее положение занимают 1) названия техногенных аварий и природных и техногенных катастроф (*Good Friday Earthquake, Alaska oil spill, Hurricane Catherina, TMA accident, Аральское бедствие*), 2) названия растений и животных, в большинстве случаев эндемических или находящихся под угрозой вымирания (*Scotch heather, пролісок, ховрах*); 3) реалии, обозначающие различные государственные органы, деятельность которых связана с экологией, а также экологические организации, движения и слоганы (*DEFRA, grandfather clause, NIMBY, ПЗУ, Екологічна гвардія*), 4) названия различных экологических объектов (*Yellow Stone National Park, Горгани, Святі гори*). Также как и экологические термины, экологические реалии часто сопровождаются дополнительной оценочной, ассоциативной и образной лексикой (*the ghost town of Centralia, the precious Gulf*).

Трудности перевода экологических реалий связаны во-первых, с их этноспецифичностью и, во-вторых, с отсутствием соответствий в ПЯ. Поэтому переводчику приходится выбирать, “либо показать специфику и впасть в экзотику, либо сохранить привычность, но утратить специфику” [7, с. 85]. Вместе с тем соотношение универсального и этноспецифического в разных типах текстов может быть разным: считается, что научные тексты наиболее универсальны, художественные наиболее этноспецифичны, а публицистика занимает в этом отношении промежуточное положение [9, с. 100; 13, с. 48], поэтому при переводе экологических реалий учитываются такие

факторы, как тип текста, контекстуальная роль реалии в ИТ, ее употребительность в ИЯ и ПЯ, адресат ПТ [6, с. 105].

К основным способам и приемам воспроизведения реалий при переводе неспециальных ЭкоТт относятся: комбинированная реноминация (*Diablo Canyon – АЭС Дьябло Каньон, АЕС Diablo Canyon*), транскодирование (*Полонина – Polonine*), калькирование (*Mormon cricket – мормонский сверчок, Sagebrush Rebellion – полынный бунт, the Donora episode – Донорський епізод*), дескриптивный перифраз (*The Blue Grass Country – центральні райони Кентуккі, Clear Skies – пропозиція президентом Дж. Бушем стратегія по зниженню викидів в атмосферу*).

Одним из доминирующих приемов перевода экологических реалий в неспециальных ЭкоТт, позволяющим одновременно раскрыть денотативное значение и сохранить этноспецифику, является комбинированная реноминация, в основе которой лежат транскодирование и дескриптивный перифраз: *However, under pressure from the Obama Administration funding for development of Yucca Mountain was terminated. – Однак під впливом адміністрації Президента Обами фінансування хранилища ядерних відходів Юкка Маунтин було припинено* (www.chern.info.com).

При использовании комбинированной реноминации для перевода экологических реалий, в состав которых входят эргонимы, часто они не транскодируются, как это предполагают правила перевода названий [8, с.431-436], а переносятся в ПТ в оригинальном виде: *It is not yet close to the magnitude of the Ixtoc I blowout in the Bay of Campeche in Mexico in 1979* (The New York Times, May 4, 2010). – *Етот разлив пока далекий від масштабу відкритого викиду на нафтовій платформі Іхтоц І в мексиканському заливі Кампече в 1979 році* (ІноСМІ.ru, 04.05.2010).

На наш взгляд, подобный перенос эргонима в ПТ без перевода может быть оправдан в тех случаях, когда эргоним широко известен и/или прост в написании и легок для восприятия. Как правило, не переводятся названия всемирно-известных международных корпораций, часто упоминаемых в неспециальных ЭкоТт *BP, Shell, Exxon Mobil, Chevron*.

В некоторых, достаточно редких, случаях (в частности, в украино-английских и русско-английских переводах) при переводе экологических реалий-эргонимов применяются такие способы перевода, которые вряд ли могут считаться адекватными: *На Хмельницькій АЕС зупинився новий реактор – Shutdown of a new reactor in Ukraine* (www.armscontrol.ru).

В данном случае переводчик заменяет название атомной станции на “географический” гипероним *Украина*, существенно снижая информативность перевода. Такой перевод мог бы быть адекватным, если бы, вместо контекстуальной замены переводчик прибегнул к комбинированной реноминации, включающей и название АЭС, и страну, в которой она расположена. Еще один типичный способ неадекватного перевода эргонимов можно представить такими примерами: *Чернобильська АЕС – Chornobyl AES* (Екологія та природні багатства України, 2004) вместо *Chornobyl NPP*, или *MAGATE – MAGATE* (Екологія та природні багатства України, 2004) вместо *IAEA*. Можно предположить, что переводчик интерпретировал данные лексические единицы как реалии и поэтому воспользовался транскодированием как одним из принятых приемов перевода реалий, полностью лишив ПТ адекватности.

Распространенным способом перевода экологических реалий является лексическая калька (*Оптимістична Печера – Optimistic Caves, Dust Bowl – Пильний комел, the Great Pacific Garbage Patch – Велика Тихоокеанська сміттєва пляма*). Для перевода полилексемных экологических реалий может применяться такой вид калькирования, при котором один из компонентов передается с помощью адаптивного транскодирования / полукальки, а второй переводится: *Until recently, Gruinard Island <...> was more commonly known as Anthrax Island. <...> but it wasn't until 2001's anthrax scares that the island elicited much interest from visitors* (Foreign Policy. – December 23, 2010). – *Донедавна Грюнард <...>*

знали переважно під назвою Антраксового острова. <...> Але особливий інтерес у світі острів викликав лише після пристрастей із бацилою антраксу (сибірської виразки) 2001 року (Inozmi.glavred.info).

Остров Грюнард получил второе, неофициальное, название потому, что со времен Второй мировой войны на этом острове долгое время располагался полигон для испытаний бактериологического оружия, где проводились эксперименты со штаммами сибирской язвы. В английском языке для обозначения сибирской язвы инвариантно употребляется лексема *anthrax*, которая присутствует не только в специальных словарях, но и в словарях общей лексики, поэтому для носителя английского языка *Anthrax Island* – “говорящее название”, актуализирующее значение смертельной опасности. В украинском языке английскому *anthrax* соответствуют общеупотребительные лексемы *сибірська виразка* и *сибірка*. Лексема *антракс*, производным от которой воспользовался переводчик, создав прилагательное по продуктивной словообразовательной модели, также существует в украинском языке, но данная лексема менее употребительна, поскольку является узкоспециальным термином и зафиксирована только в специальных словарях. Вариант перевода *Антраксовий острів* позволяет сохранить этноспецифичность ИТ. Вместе с тем, по причине ограниченной сферы употребления термина *антракс*, данный вариант перевода воспроизводит денотативное значение, но связанные с ним ассоциации могут не возникнуть у тех, кто не знаком со значением соответствующего термина. Для того чтобы компенсировать эти потери, повторяя в ПТ термин *антракс*, переводчик сопровождает его данным в скобках широко употребительным синонимом.

Рассмотрим еще один пример воспроизведения семантики экологических реалий: *But that hasn't stopped a Netherlands-based architecture company from dreaming up "Recycled Island," a fully sustainable island with enough space for half a million inhabitants* (The Guardian. – April 6, 2010). – *Але це не заважає голландській архітектурній компанії мріяти про "Сміттєвий острів" – абсолютно придатний для життя острів, де зможуть оселитися півмільйона людей* (zgroup.com.ua).

Словосочетание *Recycled Island*, каждый из компонентов которого, взятый по отдельности, имеет соответствия в украинском языке и не представляет особых трудностей для перевода, можно условно классифицировать как квазиреалию, то есть реалию, обозначающую не существующий в действительности вымышленный объект [13, с. 47]. Следует отметить, что в названии данного объекта актуализируются прежде всего не этноспецифические, а оценочные элементы семантики, поскольку в современном англоязычном экологическом дискурсе *recycling*, то есть переработка и повторное использование, позволяющие не загрязнять окружающую среду, является одной из экологических аксиологем [11, с. 200]. Применяя для перевода лексемы *recycled* окказиональное соответствие *сміттєвий*, переводчик не только нивелирует положительную оценочность, но и заменяет ее на отрицательную, поскольку *сміттєвий*, прилагательное от *сміття*, означает *сор, отбросы, что-либо лишнее, ненужное* [2, с. 1356] и, как правило, вызывает неприятные ассоциации [12, с. 567]. В данном случае адекватным мог быть такой вариант перевода, при котором если не сохраняется положительная оценочность, то хотя бы не привносятся ярко выраженные негативные ассоциации, например, *рукотворный, искусственный, регенерированный* и т.д.

Замена реалии ИЯ функциональным аналогом приводит к частичной / полной утрате или подмене национально обусловленных коннотаций. Особенно часто это происходит при переводе так называемых скрытых реалии (термин Р.П. Зоривчак [7, с. 72]), имеющих соответствия в ПЯ, например: *456 самоселам доводится жити в умовах "вимушеної свободи"* (День, 5 квітня 2002). – *456 squatters have to live under conditions of compulsory freedom* (The Day, April 16, 2002).

Украинская лексема *самосел* означает “*тот, кто самовольно заселяется куда-либо*” [2, с. 1342]. Английская лексема *squatter* имеет несколько значений. Первое из них, наиболее широкое, *a person who occupies property or land to which he has no legal title*, [14,

с. 1155] совпадает со значением украинского слова. Но, кроме того, *squatter* имеет ряд периферийных культурно и социально обусловленных значений, к которым относятся: 1) историческое (*владелец крупного земельного участка, приобретенного захватническим путем в период начальной колонизации (в Америке, Австралии и Новой Зеландии [1] и 2) современное социальное (представитель сквоттинга как общественного явления, связанного с самозахватом покинутых или незанятых зданий [4]). В статье, фрагмент из которой приведен выше, лексема *самосел* обозначает жителя чернобыльской зоны, вернувшегося в собственный дом, а не захватившего чужой. Кроме того, в ней содержится широкий спектр коннотаций, связанных с чернобыльской трагедией, которые отсутствуют в значении соответствующей английской лексемы. Поэтому в данном случае для адекватного воспроизведения семантики украинской реалии и сохранения ее этноспецифики было бы целесообразно прибегнуть к амплификации, введя в перевод определение *Chornobyl (Chornobyl squatter, Chornobyl zone squatter* и т.п.)*

Таким образом, к основным способам и приемам воспроизведения экологических реалий при переводе неспециальных ЭкоТт относятся комбинированная реноминация, транскодирование, калькирование различных видов, дескриптивный перифраз. Если реалии языка оригинала заменяются их аналогами – реалиями языка перевода – происходит частичная или полная утрата этноспецифики. Перевод реалий-эргонимов в неспециальных ЭкоТт с помощью генерализации приводит к нарушению адекватности перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский лингвострановедческий словарь “Американа-II”: более 21 тыс. статей [Электронный ресурс] / [М. В. Васянин и др.; под ред. Г. В. Чернова]. – 2005. – (к версии Lingvo 12)
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови / [уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел]. – К.; Ірпінь: Перун, 2001. – 1440 с. 333.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980 – 320 с.
4. Википедия, свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org> 334.
5. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: ИОСО РАО, 2001. – 224 с.
6. Влахов С. Непере译димое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 275 с.
7. Зорівчак Р.П. Реалія і переклад (на матеріалі англomовних перекладів української прози) / Р.П. Зорівчак. – Львів: Вид-во Львів. ун-ту, 1989. – 216 с.
8. Карабан В.І. Переклад англійської наукової і технічної літератури. Граматичні труднощі, лексичні, термінологічні та жанрово-стилістичні проблеми / В.І. Карабан. – Вінниця: Нова книга, 2002. – 564 с.
9. Лилова А. Введение в общую теорию перевода: монография / А. Лилова; под общ. ред. П. М. Топера. – М.: Высшая школа, 1985. – 256 с.
10. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
11. Розмаріца І.О. Аксиологічно марковані одиниці в екологічному дискурсі / І.О. Розмаріца // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. наук. праць. – К.: Логос, 2001. – С. 199-202. 215.
12. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / [Ю.Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др.]. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – Т. 1: От стимула к реакции. – 2002. – 784 с. 369.
13. Стиль автора и стиль перевода: Учебное пособие / [М.А. Новикова, О.Н. Лебедь, М.Ю. Лукинова и др.]. – К.: УМК ВО при Минвузе УССР, 1988. – 84 с.
14. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 1428 p. 402.